

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4	55
Глава 5	71
Глава 6	90
Глава 7	108
Глава 8	125
Глава 9	143
Глава 10	162
Глава 11	180
Глава 12	199
Глава 13	216
Глава 14	236
Глава 15	254
Глава 16	270
Глава 17	291
Глава 18	309
Глава 19	326

Глава 1

Воздух над станицей Михайловской был сладким от запаха степного разнотравья, смешанного с дымком мангалов, безошибочно узнаваемым ароматом тутового самогона и пылью из-под копыт. Солнце, уже клонившееся к горизонту, заливало золотом клоунские папахи и нарядные бешметы собравшихся — горластых, широких в плечах, веселых. Да и чего уж там... Хмельных. Праздник Совместного круга Донского и Кубанского войска — большое дело. Приезжали отовсюду. С Ростова, Краснодара, Дона, с Кубани и Хопра. Даже из Калмыкии были казаки. Показать себя, на других поглядеть, вспомнить былое, выпить по-братски. Я сидел на лавке, чуть в сторонке от основной суеты, в тенечке от тополя, смотрел на пляски, слушал песни и чувствовал себя... пустым.

Мне шестьдесят семь. Полковник в отставке. Прошел Югославию, потом была Чечня и Сирия, как дембельский аккорд. Были ранения, больницы, пыль дорог, запах пороха и крови. Видел лица врагов и лица своих, искаженные страхом, болью, решимостью. Видел смерть. Свою чуть не встретил пару раз. По ночам снятся стрекот

вертолетов, взрывы снарядов... Правда, все меньше и меньше. За жизнь не стыдно. Честно служил. Честно жил. Только вот... сейчас стало скучно. Огня в душе нет. Жена, светлая ей память, уже три года как умерла. Рак легких. Дети разъехались, у каждого своя жизнь, свои заботы, свои уже взрослые дети, мои внуки. Звонят, конечно, заботятся. Но я им не нужен, как раньше. Как и мне не нужен этот праздник, где все напоминает о том, что у меня было и чего уже нет. Осталась только оболочка старого солдата, который не знает, куда себя деть.

Рядом крякнул и плюхнулся Геннадий Ракинин, ровесник мой, тоже казак из донских, хоть и на Кубани осел. Тоже в отставке, понюхал пороху в свое время. Ворчливый, как большинство стариков.

Плеснул ему вина в пластиковый стаканчик из прихваченного из дома кувшина.

— Благодарствую! Гляди, Петр, гляди на этих орлов! — кивнул он на молодняк, что готовился к джигитовке. — Ишь, пыжатся! А рубка-то? Видал, как лозу секут? Три из пяти — мимо! Тьфу!

Я усмехнулся. Генка всегда был острым на язык.

— Ну, Геня, времена другие. Не наша это уже рубка. Кисть с детства нужно тренировать. А эти... Компьютеры у них, дроны, очки какой-то там реальности. Хрен разберешь. Шашкой теперь они только на парадах машут.

— То-то и оно! — возмутился Ракитин. — А как же традиции? Слава предков? Забыли!

— Какие традиции? Какая слава? Кубанки галуном обшили, да чтоб погуще! Медалей юбилейных понацепляли... Ряженые! Она, стоят и плятятся, как дивчина шашки крутит, а сами...

Я показал на полянку, где под казацкую удалую мелодию, звучащую из магнитофона, молодая девушка в черкеске лихо крутила две шашки, выписывая в воздухе сложные фигуры.

Гена помолчал, поскреб подбородок. Потом хитро прищурился.

— А давай-ка мы с тобой, Петр Васильевич, покажем им? Нам-то есть что показать.

Я поперхнулся вином.

— Ты с ума спятил, Геннадий? Мы? Да мы с тобой старые уже! Колени, спина... да и рука уже не та! Да и выпили уже. Опозоримся!

— Ничего, ничего! — отмахнулся он. — Рука помнит, Петр. А кони... попросим лошадок по-смирнее. Ну, а? Давай, ради старых дней! Ради славы!

В глазах у него загорелся тот самый огонек, который я так давно не видел ни в чьих глазах, да и в своих тоже. Огонек авантюры, вызова, мальчишеского задора, который не вытравишь никакими годами и войнами. И мне вдруг стало... интересно. А почему бы и нет? Что я теряю? Скуку? Пустоту?

— Ладно, черт с тобой, старый ты хрен, — крикнул я, поднимаясь. — Только кобылу мне

давай такую, чтобы еле ноги переставляла. Без фортелей.

Мы пошли к месту сбора. Организаторы, молодые ребята, сначала смотрели на нас с Генкой с недоверием — куда, мол, старцы лезут. Но Генка умел убеждать, да и мою фамилию тут знали. В конце концов, после долгих уговоров, нам выделили пару лошадей и шашки.

Генке достался конь с характером, рыжий, норовливый. Он тут же начал с ним «договариваться», что-то шепча ему на ухо и похлопывая по шее. Мне дали кобылку по имени Селеста. Трехлетка, смиренная, гнедая. Глаза у нее были удивленные, будто она сама не понимала, что тут делает и что за старпёр собирается на нее взгромоздиться.

Я накинул повод на руку, привычно ощутил вес шашки. Примерился, сделал пару махов. Рука, хоть и дрожала чуть от напряжения, вспомнила движение. Тяжесть клинка, свист в воздухе. Есть еще сила в руках. Кобылку не нужно было уговаривать. Она стояла спокойно, лишь прядала ушами.

Вот оно, поле. Шесты с лозой. Разгон метров пятьдесят. Я в седле чувствовал себя... странно. Не совсем комфортно. Будто тело не мое. Слишком легкое, слишком... молодое? Бред какой-то. Просто давно не сидел в седле.

Кивок организатора. Мой черед. Вдох. Выдох. Ноги чуть коснулись боков кобылки.

— Но! — тихо сказал я.

Она тронулась с места. Сначала неохотно, потом, почувствовав свободу, перешла на легкую

рысь. Ветер ударил в лицо. Запах пыли и лошадиного пота. Сердце заколотилось в груди — то ли от нагрузки, то ли от предвкушения. Или страха?

Шесты приближались. Я поднял шашку, клинок блеснул на солнце. Целься!

Внезапно кобылка споткнулась. Неровность? Дыра в земле? Неважно. Она рухнула. Неуклюже, тяжело. Я полетел вместе с ней. Шашка вылетела из руки. Удар. Земля. Резкая, невыносимая боль. Темнота.

* * *

Кто-то толкал меня. Настойчиво так.

«Хорунжий! Петро Васильевич! Проснись!»

Я застонал. Все тело ныло. Голова гудела. Попробовал открыть глаза. Темнота. Нет, не та, в которую я «окунулся» после полета с Селесты. Обычная ночная темнота. Над головой — звездное небо, низкое, яркое, такое, какого я не видел в городе уже лет сорок. Пахло дымом костра из быстро горящего хвороста, навозом, мокрой землей и чем-то незнакомым, терпким. Почему хорунжий? Я ведь есаул...

Рядом горел костер. Яркий, бросающий блики на лица сидящих вокруг. Лица... молодые. И пожилые. И одежда... Шаровары, бешметы, чекмени — все разного цвета и фасона. Заметил несколько бурок на земле.

Ко мне обернулся совсем еще пацан, лет семнадцати, не больше. Худой, с папахой на затылке.

— Петро Василич! Кулеш готов! Пожалуйста откушать!

Петро Василич? Это он мне? Я попытался приподняться. Тело не слушалось. Руки, ноги — чужие, слабые, ватные. Одежда... тоже казацкая, военная. Все не мое. Что за чертовщина?

— Давай, Петро Василич, подсаживайся. — Другой, постарше, с усами а-ля «морж», протянул мне руку. Я с трудом ухватился за нее, он рывком помог мне сесть.

Степь, ночной лагерь. Костер и казаки. Некоторые чинят упряжь, некоторые едят из котла. Парень, который меня будил, уже сидит у костра, достает из голенища сапога... деревянную ложку? И другие тоже? И все это ни разу не Михайловская. Автомобилей нет, электрических столбов тоже. Да и домов не наблюдается.

Я опустил взгляд на свои сапоги. Высокие, кавалерийские, с фигурным вырезом сверху голенища — ни разу не ичиги, как на остальных, а так называемые «гусарские ботики». Просунул руку в правый сапог. Есть! Тоже деревянная ложка.

Автоматически, сам не понимая зачем, я взял ложку и потянулся к котлу, стоявшему на углях. Пахло... кулешом. Не обманули. Пшенная каша на бульоне, с мясом и луком. Наваристо. Горячо. Но пустовато. Картошки не хватает.

Первая ложка обожгла язык, но я почти не почувствовал боли. Я ел. Не потому что голоден, а потому что так делали все вокруг, черпая из котла по кругу.

Ел и тайком оглядывался. Нет, это не праздник. Не ряженые, хоть и одеты кто во что горазд. Они настоящие. И разговаривают... как? Старинные слова проскальзывают, обороты речи неприличные. Кроме одежды на сложившуюся ситуацию намекало и оружие... У одного из сидящих рядом на земле за пояс был заткнут дульнозарядный кремневый пистолет. Шашки — тоже были другими, не те, что на празднике. Длинные, чуть изогнутые, с простыми, потертыми от частого употребления рукоятями.

Шок волной накатил на меня. Это не сон. Это... прошлое? Как? Почему? Удар головой о землю? Галлюцинации? Или я... Тайком потрогал лицо. Густые брови, усы жиденские. Нет, это точно не я старый.

Обрывки разговоров долетали до меня.

— ...яицкие всё Пугачева сваво забыть не могут. Гутарил вчерась с одним в Калмыковской крепостице. Я ему про Емельку, а он мне в ответ: «Для тебя Пугачёв самозванец, а для меня он был великий государь Пётр Фёдорович. Я его мальцом видел, как тебя».

— Скорее бы караван этот оренбургский подошел. Без верблюдов через степь на бухарской стороне худо будет.

— А мне батя отписал, что в станице все спокойно. Коровы телятся, скоро посевная...

— А я слышал, что наш Четвертый Донской хотят на два полка разделить. Да качалинские старшины воспрепятствовали...

Живой современник Пугачева? Станица Качалинская и Четвертый Донской полк? Караван из Оренбурга? Бухарская степь?

В голове закрутились шестеренки. Донское войско... Степь... Оренбург... Караван... Калмыковская крепость, яицкие казаки...

Выходит, мы где-то в уральских степях, недалеко от города Чапаев...

Индийский поход донцов!

Вспышкой в памяти встали строчки из учебников, статьи в журналах, которые читал в молодости, интересуясь историей казачества. Секретный поход Павла I на Индию, чтобы ударить по английским владениям в Азии. Двадцать две тысячи казаков под командованием генералов Орлова и Платова. Полная секретность. Официально — шли на Бухарское ханство.

Бухарская сторона! Вот о чем они говорят! Они не знают! Они думают, что идут на Хиву и Бухару освобождать русских рабов, как им объявили! А на самом деле...

И я знаю, чем это закончится. Совсем скоро Павел I будет убит. Или, может, его уже ударили табакеркой. Дворцовый переворот. На престол взойдет Александр Первый. И первым же его указом, одним из первых, будет приказ остановить поход и вернуть казаков домой. Зачем нам портить отношения с англичанами? Которые к тому же и сильно поучаствовали в перевороте. Александр им будет еще долго благодарен.

Так, стоп! Почему отряд, в котором я оказался, забрался так далеко? Какая Калмыковская крепостица? Вроде от Волги полки недалеко ушли, только первый эшелон Платова в степи нырнул... То есть получается, я сейчас в его авангарде, который ждет караван верблюдов из Оренбурга?

Доел кулеш, на автомате облизал ложку, сунул ее обратно в сапог. И тут меня подозвал к себе пожилой седоусый казак, сидевший чуть поодаль, у другого, меньшего костра. На нем была форменная серо-рыжая шинель без погон, но с аксельбантом — выходит, старший начальник. Полковник? Его лицо, жесткое, обветренное, казалось знакомым, но я не мог вспомнить, где видел его раньше. Может быть, на картинах в будущем?

— Хорунжий! Подойди-ка сюда!

Значит, это я. Петр Василич, хорунжий. Младший офицер. Ну, хоть не рядовой.

Я поднялся. Ноги слушались чуть лучше, но все еще были ватными.

Полковник прищурился, глядя на меня в свете костра.

— Ты чего, Петро Василич, прихворнул, что ли? Бледный как полотно. Голова кружится?

— Никак нет. — Голос прозвучал чужим, молодым, но вроде твердым. — Просто... прилег отдохнуть. Приснилась чепуха какая-то.

— Отдыхать еще успеешь, — отрезал он. — Посты ночью обойти надо. Пароль «Святой